

16+

Леонид Георгиевич Родичев

Серп

Рассказ

Леонид Георгиевич Родичев

Серп

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50194632

SelfPub; 2020

Аннотация

Это один из серии рассказов, основанных на реальных событиях, в которых участники проживают определенную временную эпоху памяти одного поколения. Рассказы задумывались как собрание памяти для детей, а получились как небольшое размышление о смыслах, наполняющих нашу жизнь: ценность семьи, дружбы, приоритетов и целей труда, передачи "духа времени" десятилетий XX века.

Ехали они уже три с половиной часа и Сашка начинал по немногу замерзать. Утреннее зябкое февральское солнце совсем не грело. Сани мягко скользили по расчищенному большаку. Высокие сугробы скрывали обочину, но Сашка ориентировался по воткнутым веткам, обозначающим проезжаемые временами мостики через овраги. Его сани шли вторыми. Впереди, на санях пошире, ехал дед Изотыч.

Взяв двое саней с лошадьми, выехали затемно. Путь предстоял не близкий. За два дня нужно было пройти верст восемьдесят. Причем в первый день задумали они проехать основную часть пути. Потом заночевать в соседнем колхозе, а там уж и до места рукой подать. Одето на каждом было по две фуфайки, ватные штаны, теплые валенки и солдатские ушанки. Деревенские женщины собрали в дорогу каждому по три буханки хлеба, десяток луковиц, морковки (штук по пять), да шматок сала на двоих. Взяли, конечно, канистру воды, для себя и лошадей. А еще Сашка с Изотычем под завязку загрузились сеном. Сено хотели отдать как раз соседям. Год у них по травам не удался, и те постоянно просили помочь с сеном, обращаясь по случаю то к одним, то к другим. Беду их знали и помогали всем миром, по мере возможности.

В упряжке саней Сашки шел старый мерин по кличке Сивый. Сивый постоянно пускал газы и тряс на ходу оглобли. Вонь от коня на морозе не особенно чувствовалась и Сашка

обращал на это мало внимания. Только уж когда совсем в нос ударял неприятный запах, он шлепал поводьями Сивого по спине и прикрикивал при этом:

– Ах ты, зараза такая! Иди не перди!

Выбирать не приходилось. Из трех деревенских лошадей, оставить нужно было старую клячу Ночку.

Изотычу было легче управляться с молодой кобылкой Звездочкой. Но Изотыч был стариком, сама по себе поездка давалась ему с трудом и поэтому он сел в сани с лошадыю по-резвее.

...Не считая Сашки, дед Изотыч был единственным мужиком в деревне. За три года все мужское население призвали на фронт. К февралю сорок четвертого года, в Решетном на двадцать три двора было тринадцать бабуль, пятнадцать женщин среднего возраста, да около сорока ребятишек все младше Сашки. И на весь этот деревенский народ, из мужиков остались лишь они с Изотычем. По мнению Сашки, дед был очень старым. Мало кто помнил, что звали его Никифоров. Но имя стерлось в памяти практически всех жителей деревни Решетное, и толи из уважения к возрасту, толи еще по какой-то причине, все звали его по отчеству – «Изотычем».

Никифору Изотовичу Родионову давно уже перемахнуло за семьдесят. Тот факт, что на правой руке отсутствовало у Изотыча три пальца – большой, указательный и средний, вместе с почтенным возрастом, делало его совершенно не

пригодным для службы в армии. Пальцы свои Родионов потерял еще в японскую, о чем любил всем красочно рассказывать, демонстрируя при этом удивительные возможности оставшихся двух. Этими пальцами, без помощи левой руки, мог Изотыч ловко насыпать махорки на бумажку. Придерживая только одним большим пальцем левой руки свернуть сигарку – козью ножку. Рассказывал Изотыч о своих потерянных пальцах как-то любовно. Точно не терял он их, а заново приобретал. С каждым новым рассказом прибавлялись ранее не известные живописные подробности героического поступка младшего мичмана Родионова, который почти ценой собственной жизни все-таки сбросил заклинивший якорь минного тральщика прямо перед входом в заминированную японцами бухту. И, конечно, только по своему головотяпству и разгильдяйству, когда катер, от легшего на дно якоря резко качнуло, Изотыч упал и хватнул правой рукой борт. Ухватился он точнехонько в том месте, где продолжала в тот момент соскальзывать с борта якорная цепь, которой в следующую секунду и срезало, раздробило ему эти недостающие, а теперь уже совсем лишние пальцы. Рассказ Изотыча был прослушан всей деревней не один десяток раз. Но вновь, когда дед начинал повторять историю, приплетая все новые детали к своему главному поступку всей жизни, все замолкали и из уважения к одному оставшемуся мужику в деревне внимательно слушали. Только молодухи прыскали временами со смеха, да задавали иной раз вопросы:

– Деда. А в прошлый раз ты ж сказывал, что тебе еще один матрос вроде как помогал, да потом волной его смыло. А сейчас чегой-то нету того матросика, А?

– Да нет Ленк! Что ты! Эт я говорил, что хотел он помочь видать мне, дак не успел, не дошел до носа то. Его волной то и смыло. А тут японец со всех сторон палит, мочи нет, – беззлобно, не обращая внимания на колкости, продолжал дед Изотыч и без всякой обиды заканчивал рассказ, как ни в чем не бывало всегда одной и той же фразой:

– Ох и наложили мы в кису японцу тогда...

А потом степенно так добавлял:

– Вот тах-то и стал хероем младший мичман Родионов...

За это, или за что-то еще, был награжден младший мичман Родионов георгиевским крестом. Давно уж не доставал дед и не показывал свою награду никому...

Помимо многочисленных навыков и умений, так необходимых в деревенской жизни, Изотыч был по молодости лет еще и кузнецом. До войны в кузнице работало четверо мужиков и Изотыча никто уже не подпускал к наковальне. Но теперь, когда Изотыч изо-всех сил старался сделать по возможности всю мужскую работу в деревне, вспомнил он свои навыки кузнечной молодости. По неволе сделавшись левшой, многие вещи в кузнице Изотыч делать не мог. А вот когда два года назад, взял он Сашку себе в помошники, стали они делать почти все, что было нужно. Постепенно, месяц за месяцем, Изотыч передал секреты кузнечного дела Сашке пол-

ностью. Все, что знал. К своим пятнадцати годам Александр кузнечил, делая всю не хитрую деревенскую работу практически один. Уже полгода Изотыч не работал в кузнице. Правда, приходил частенько, сидел, подсказывал что к чему, иногда поддерживая кузнечными клещами заготовки.

Обо всем этом думалось Сашке в это утро как-то медленно и размеренно. Вспомнил он и тот день, когда пришла к нему в кузницу бабка Пелагея, с которой и началась эта поездка.

...В начале декабря бабка Пелагея, жившая на одной улице, через дом от Сашки, пришла в кузницу с обломком серпа. Сашка, отойдя от кузнечного горна, повертев в руке кусок сломаного железа, вернул его обратно Пелагеи:

– Не-е..., не сделаю. Расковывать тут ни чего не осталось, а на новый у меня железа нет. Так что баб Пелагея ступай до дому. Ничем помочь тебе не могу. Разве что нож из него выковать.

– Вот беда-то какая Сашенька. На кой мне нож-то. Вон два ножа то ихних басурманских есть уже, – причитала Пелагея, имея ввиду штык-ножи от немецкой винтовки системы Маузер, коих в большом количестве развелось к концу войны в деревне.

– А может, сделаешь, а? Как же мне теперь без кормильца-то? И че совсем нет у тебя железяки никакой? Ну сделай бабке-то, будь добрым, милоч, сделай... Я тебе молочка, яичек дам, – просила бабка Пелагея и все не уходила.

– Ну как я тебе его сделаю. Из чего? Из чугунок что ли? Нету у меня железа, нету понимаешь. Бороны не из чего делать, три плуга к весне надо, гвоздей председатель велел... А ты про серп свой! Иди с Богом до дому, иди уже...не до тебя, – по взрослому серьезно, не отрываясь от дела, ответил Александр.

Но бабка Пелагея все не уходила, все стояла... Молчком стояла, и смотрела как Александр, которому шел шестнадцатый год, подбрасывает в печь уголь, накачивает мехом воздух и ждет прогрета заготовки, прислонившись к стенке, утирая пот со лба, размазывая масляные разводы, по и так перемазанному лицу.

...О чем думала бабка в эти минуты, смотря на парня. О погибшем в начале войны муже. О пропавших без вести двух сыновьях, которых каждый вечер вымаливала у Бога, стоя перед образами. О двух внуках и внучке, что остались без матерей и легли на ее плечи. О том, что если бы не война, то было бы хозяйство, своя лошадь, две коровы, козы и несметное количество кур. А главное были бы мужики, хозяева. И был бы сейчас старший сын – Семен. Он то до войны и был на деревне главным в кузнице. Любила Пелагея приносить иной раз сама в кузницу обед, да смотреть как Семен, потный от жара, сильными, жилистыми руками раз за разом поднимает и с силой обрушивает на раскаленно-желтый брус металла тяжелый кузнечный молот... Как постепенно, из под умелых рук кузнеца выходят вилы, косы, топоры, подковы, гвозди и

много еще чего, такого нужного в крестьянском хозяйстве.

Да... жили бы горя не зная, и не просила бы она сейчас оставшегося одного на сто верст, по сути мальчишку еще, кузнеца сделать ей серп. Постояв немного, Пелагея собралась было идти домой. И тут вдруг она вспомнила, что на Успение пресвятой Богородицы к ней в Решетное приезжала проездом в райцентр сноха, Петровна. Петровна та жила верст за восемьдесят от их деревни, прямо на границе со Смоленской губернией. Деревню Петровны всю разбомбили, сначала в 41 отдавая, а затем в 43 отбирая у немцев. Остались в той деревне вместе с Петровной тридцать один человек. Из них пятнадцать детей в возрасте до десяти лет. Было у них на деревню две коровы. Жили все в землянках или погребках рядом со своими печками. Избы у кого развалились, у кого сгорели, а печки, сделанные из кирпича стояли. На них и готовили, ими и грелись. Обо всем этом рассказала Петровна. А еще рассказала, что осталась у них тепереча одна корова. Другая же – молодая и уже дойная телка («дура проклятая») отвязалась «и какой леший погнал её на поганое поле». А на этом поле проходил укрепубеж немцев, стояла вторая резервная линия обороны. Немцы же... «окоянные понастроили там из битонов домов разных, крыши то у них круглые, что яйца твои, да все с дырками». Когда наши войска наступали... «много этих яиц поразбивали, порушили так, что железные прутья торчат там во все стороны, страсть господня. Толстые такие, ржавые». Корова заце-

пилаась ногами за арматуру, упала да и свернула себе шею. «Прям в окоп немчуровый головой вниз и кувырнулаась...». Сетовала Петровна, что с одной коровой им зиму никак не пережить. Поэтому и ехала в райцентр помощи просить. Но не корову вспомнила Пелагея, а пруты те ржавые, про которые рассказывала Петровна.

– Шурка, а если подскажу тебе где железку ту взять сможешь, сделаешь? – спросила хитро бабка Пелагея у кузнеца.

– Да откель знать то тебе бабк где мне материалу взять? И так уже всю округу на десять верст вокруг облазил. Все побрал что нашел. Все перковал, осталось вот не много, но это не отдам, сказал уже. Нету больше ничего, ну нету баб.

– Ну может так близко и нету, а у снохи моей, под ейней деревней есть.

И рассказала бабка Пелагея Сашке все, что поведала ей Петровна про разбитые немецкие ДОТы и про арматуру, которая прямо на земле лежит – ржавеет, пропадает никому не нужная, бери не хочу.

Сначала идея Сашке не понравилась. Чего бы то это – ехать за тридевять земель, не известно куда. Да и скорее всего место это огородили и не пускают. Наверное мин понатыкано полно вокруг – подорваться можно ненароком. И хоть фронт откатился уже настолько далеко, что в воздухе чувствовалось приближение победы, то здесь то там то и дело подрывались люди на снарядах и минах, оставшихся после боев. Только этим летом, на прополке, на вспаханном еще в

прошлом году поле, подорвались две женщины из их деревни, одна из которых была невесткой той самой бабы Пелагеи, женой кузнеца Семена.

Поэтому тогда в декабре он и думать не стал над предложением Пелагеи. Но потом, когда на Рождество принесла она ему два сырых яйца и еще раз попросила сделать серп, Сашка задумался. Материала действительно катастрофически не хватало. Еле-еле он мог наскрести на борону и один плуг. А дальше что?

Сашка перековал уже все сломанные подковы, две солдатские лопаты, кирку и каску. Все то, что он смог подобрать в округе. Больше не было ничего. Их деревню по счастливой случайности не коснулась война. Стояла деревня Решетное в стороне от большака на районный центр – Сухиничи. Наверное поэтому, войска через нее прошли только один раз. Остановились на одну ночь наши пехотинцы. Батальон пехоты не смогла вместить в себя деревня Решетное в двадцать три дома. По такому случаю дед Захар (живой еще тогда) повелел всем освободить избы для солдат, а самим переночевать в курятниках, да погребах.

На следующий день, к обеду, все вернулись в свои дома. Солдаты не оставили после себя ничего такого, что могло бы пригодиться Сашке. Да и боев в окрестностях, слава Богу, не было. Но не было и железа...

Поэтому уже к концу января для Александра стало ясно, что ехать надо обязательно, другого выхода нет...

Вот и собрались они вместе с Изотычем за железными арматурными прутьями. Взяли, специально подготовленные для этого случая, заточенные удлиненного размера кузнечные зубила, пять столярных молотков, да две кувалды. А еще Изотыч обещал показать Сашке способ разрушения бетона с помощью воды на морозе. Но как он это собирался делать не сказал.

Чувствуя, что ноги начинают коченеть, Сашка спрыгнул с саней и, не выпуская из рук поводьев, в припрыжку, пошел рядом.

– Чу ты проклятый! Давай иди прямо, не оглядываясь, – крикнул он Сивому, который почувствовав облегчение, остановился и повел головой в сторону. К словам, Сашка добавил Сивому поводьями по спине и сани тронулись...

Дорога все дальше уводила Сашку с Изотычем от Решетного и райцентра. По началу им навстречу попадались пустые полуторки, да пару раз проехали сани, загруженные алюминиевыми молочными бидонами. По тому как шла перед санями лошадь Сашка без труда определил, что бидоны, в два ряда стоявшие в санях, полные. Он было соскочил навстречу. Хотел попросить или выменять на что-нибудь свежего молочка. Но суровый взгляд женщины-возницы остановил его, заставил как-то сразу забыть, чего он хотел, и, пройдя еще немного рядом с мерином, Сашка запрыгнул боком обратно на сани.

Так ехали они целый световой день, остановившись всего

один раз в какой-то разбитой войной и совершенно брошенной деревне, поест. Растопили на костерке снега. Отрезали по два ломтя хлеба с салом. Погрызли морковки, да запили все это крутым на морозе кипятком из солдатского котелка, попеременно, передавая его друг другу. После этого покормив сеном коней и дав им воды, продолжили свой путь. К вечеру дорога совсем опустела.

Начинало смеркаться. Слушая как скрипит снег под полозьями саней, Сашка вдруг подумал: «А что если Изотыч напутал. Что если он на самом деле не знает этого места, про которое рассказала Петровна. Вот едем не знаем куда. А ночью вообще заблудится можно».

– Изоты-ыыч! Посто-оой! – крикнул Сашка, глядя поверх спины Сивого, в стог сена на впереди идущих санях.

– Тпру родная, стой, стой! – услышав Сашкин окрик, Изотыч тут же затормозил сани.

– Че тебе Сашк, аль случилось че? – слезая, и поворачиваясь назад спросил Изотыч.

– Скок нам еще ехать? Глянь – темнеет уже. Как бы в поле не заночевать. Окочуримся тут.

– Не, не бойсь. Еще где-то с час осталось. Там сельсовет у них и председатель рядом живет. У него и переночуем. Я дорогу эту знаю хорошо. Когда в парнях то был, у меня в той деревне зазнобушка была. Так что Сань не боись правильно едем.

– Ну лады тогда. Поехали пока совсем ночь не встала.

Забравшись обратно на сани, Сашка дернул поводья и вслед за первыми санями Сивый потащил его по дороге.

Как и обещал дед, через час, свернув с большака и проехав еще километра четыре, уже в темноте, они въехали в деревню. Света не было нигде. Если бы не снег, тьма была – хоть глаз выколи. Деревня до войны была большая, домов сто пятьдесят. Но осталось целыми домов десять не больше. В том числе цел был сельсовет, и рядом стоящий с ним дом, куда Изотыч сразу направил Звездочку.

К тому, что в селах и деревнях не осталось уже собак все привыкли. Поэтому, проезжая мимо сельсовета и услышав голосистый лай, Сашка сильно удивился.

– Гля-ка! Живой остался чертяка какой-то езви его душу! – сказал он вслух сам себе и тут же подумал: «Может щенка попросить получиться...».

Изотыч долго гремел кулаком в ставни окна перед входной дверью. Наконец-то в доме зажгли свечу.

– Кто? Голос был женским, уставшим и тихим. Так говорят обычно когда не хотят будить детей.

– Мне бы Василь Палыча. Родионов я. Он меня знает. Мы с Решетного едем. Сено надо разгрузить. Нам бы переночевать до утра.

– Уехал Василь Палыч. Третьего дня как уехал в райцентр. Сейчас я ключи возьму. Там и разгрузите.

Минут через пять из дома вышла женщина, в наброшенной на нательную рубаху фуфайке с керосиновой лампой в

руке.

– Вот Вам ключи. Вертайтесь щас обратно. Поедете прямо. За сельсоветом направо. Увидите там сарай большой стоит. Там и разгрузите и переночуете. В дом пустить не могу – некуда. У меня тут детвора со всей деревни спит, не протолкнутся. Мою хату только и топим.

– Ладно. Мы рано поедем. С ключами что делать?

– Оставьте в замке. Че им будет. Натe ка свет возьмите, там темно совсем. Ну все, ступайте с Богом. А то детей мне разбудите, – сказала женщина, отдавая связку ключей и лампу. Уже затворяя дверь, она выглянула:

– А вы ели что? Мож картох вам дать?

– Не... не надо, у нас с собой есть. Дитяам оставь, – спускаясь по ступеням, ответил Изотыч.

... Сарай был сложен из жердей. Щели между жердями были такие, что Сашка запросто просунул туда пальцы. Не понятно было – зачем на сарае висел замок, когда просунув руку можно было запросто выдернуть пару-тройку длинных жердин из стены и прямо так через дырку пролезть внутрь. Изотыч конечно ломать ничего не стал. Долго возился с замерзшим замком, но потом открыл и распахнул ворота.

– Давай Сань, заводи лошадей, – сказал дед, отодвигая в сторону скрипучую, провисшую воротину.

Внутри сарай оказался большим, просторным с высоким потолком без чердака. Правда, продувался он со всех сторон безбожно. Только у дальней стены, большим темным

пятном, лежало сено, единственное, что закрывало щелевые просветы. Там у дальней стены они и остановили сани, а затем принялись разгружать с них прямо на землю привезенное сено. Закончив работу стали устраиваться на ночь. Теперь уже не в своем сене устроили две лежанки. Закрыв сарай, потушив керосинку и привязав рядом с собой лошадей, легли спать. Засыпал Сашка плохо. Холодный воздух морозил нос, а через рукавицу дышать было не удобно. Да еще вши, заразы, растеплев, начали покусывать то там то здесь. Приходилось постоянно тереться то боком, то спиной, чесать то ногу, то живот. Но наконец-то сон пришел...

– Саш, вставай ехать пора, – услышал он, откуда-то издалека голос Изотыча. Он все никак не мог понять спит или уже не спит. А если не спит, то почему так темно вокруг. Странные размышления прервал дед, ткнувшись Сашке в лицо своей холодной, терпко пахнущей солдатской махоркой бородой.

– Иди ты Изотыч! Встаю я, проснулся.

Наскоро перекусив хлебом с салом, закрыв сарай на ключ и оставив его в замке, как и велела та женщина, они выехали.

К моменту когда начало светать они добрались наконец до того «поганого поля», о котором рассказывала Петровна. Сашка понял, что от места их ночевки проехали они не больше десяти верст. Дед Изотыч был доволен, тут же закурил, глядя в торчащую из снега в разных местах железную арматуру.

– О тож я говорил, что знаю, где оно. От ведь и привел, – пыхая самокруткой, обратился он к Сашке.

– Ну слава Богу добрались, – только и сказал Александр. Работать начали сразу, как только докурил Изотыч. То, что было на поверхности, пока можно было, сначала раскапывал от снега дед, потом Сашка отрубал и выламывал железные пруты у самого корня. Небольшие куски бетона он разбивал кувалдой, доставая арматуру настолько глубоко, насколько это было возможно. Укрытое снегом поле таило в себе опасность. Сашка это чувствовал, прямо животом ощущал тревогу. Но все обходилось пока хорошо. Видимо здесь уже поработала военная команда, собрала оставшееся после боя оружие и боеприпасы. Поле не было огорожено и им не попало ни одного опасного предмета.

Работали до темна, пока на поверхности не осталось ни одного торчащего прута. Только тогда Изотыч свернул себе вторую за день самокрутку. Они оба были довольны. Сани, запряженные Сивым, были заполнены железной арматурой разной длины и толщины.

– Ну, тепереча запас материала у нас хороший. Авось весну протянем, – сказал Изотыч, выдохнув сизый табачный дым.

– Надо будет к маю еще приехать. Снег сойдет, и, увидишь Сань, много еще железа наберем.

Изотыч устал сильно. Тряся во время разговора заиндеветой бородой, говорил он медленно и степенно, с приды-

ханием.

...Приехав обратно к «своему» сараю, они обнаружили ключи в замке, там, где они их и оставили.

– Видать Василь Палыч еще не приехал, раз они даже сено не проверили, – сказал дед, открывая сарай.

– Раз такое дело, не будем их будить. Пусть детвора спит.

Наутро, по темноте выехали. Погода испортилась. Поднявшаяся метель с сильным боковым ветром продувала до костей. Сидя в санях, Сашка, от летящего с ветром снега зажмурил глаза и прикрыл нос рукавицей. Так он и ехал какое-то время, пока Изотыч прямо на ходу плюхнувшись в сани не прокричал:

– Беда Санек! Заблудились мы, мать его так! Дорогу замело! На большак должны были уже свернуть, а его все нет и нет! Давай Сивого вперед пустим. Он старый пердун. У него чуйка есть. Меня в прошлом годе вывез.

– Что ж ты... едрить твою мать, смотрел-то куда!

Сашка не мог ругаться на Изотыча, хотя злость в нем сейчас кипела.

Сани поменяли местами, Сашка теперь ехал первым. Он пристально вглядывался через метель вперед, ища какие-нибудь ориентиры. Как только рассвело метель стихла. Вокруг была белоснежная равнина с перелесками по сторонам. Вскоре вдали показался довольно высокий пригорок. Въехав на него, Сашка ахнул. Внизу было громадное поле. Вроде бы с первого взгляда на нем не было ничего не обычного, кроме

многочисленных черных прогалин. Но присмотревшись, он понял, что все поле было заставлено огромным количеством разбитой военной техники. Танки, самоходные орудия, танкетки, военные грузовики, легковые машины, наши и немецкие, были собраны в одно место. Прямо внизу перед ним стояла легкая, с крестом на боку, танкетка без гусеницы.

– Не лазий туда, подорвешься, – сказал Сашке, подъехавший сзади Изотыч.

– Да что ж я дурак, что-ли дед!

Но мальчишеское восхищение и любопытство все-таки взяло верх. Постояв минуты три он сказал:

– Изотыч я только на минутку, вот до этого маленького танка. Гляну одним глазком и обратно. Может что из инструмента осталось.

Зная упрямство Сашки, Изотыч только покряхтел, по-стариковски да добавил:

– Смотри поаккуратней там, я рядом буду если че...

Вся, стоящая на поле техника была густо присыпана снегом. Видно было, что свезли ее сюда еще до зимы. Торчали только стволы, да кое-где открытые башенные люки. Был открыт люк и у той немецкой танкетки, куда направился Александр.

Схватившись за орудийный ствол маленькой, какой-то даже игрушечной танкетки, Сашка проворно взобрался на корпус, а затем на башню. Заглянув в люк, Сашка понял, что до него тут уже побывали. Из танка вытащили все, выломаны

были даже сидения. У него появилась мысль двинуть дальше – облизать еще несколько грузовиков или танков. Но тут крикнул Изотыч:

– Сашк! Я знаю это поле. До большака версты три будет. Поехали давай. Уходи от тудова, пока не подорвался...

Сашка, конечно прекрасно понимал опасность блуждания по такому полю. Вспомнились ему те две женщины из их деревни, которых летом после подрыва толком и не смолгли полностью собрать, хоронили то, что нашли...

Представив в красках, что от него ничего ни останется... Сашка медленно начал слезать с танкетки. Ухватившись за ствол пушки, он уже собрался прыгнуть в сугроб, как вдруг почувствовал, что башня провернулась. Видимо сломан был поворотный фиксирующий механизм. Забыв о том, что считал он себя уже взрослым мужчиной, лишенный детства с игрушками и сладостями подросток, с веселым мальчишеским задором, стал крутить за ствол пушки башню подбитого немейкого танка во все стороны.

– Заряжай! Наводи! Справа, справа смотри, разворачивай! Огонь! Огонь! Ба-ааах. Баба-ааах. Есть попал!

Сашка играл в игрушку. Он представлял себя танкистом, который должен победить невидимого врага, крутил башню все стороны, Громко изображал звук выстрела, отражая одну за другой атаки немцев, подобно тому, как играют мальчишки в войнушку...

Потом закрыв башенный люк, он сел на башню, так, что

пушка оказалась у него между ног. Отталкиваясь ногами по кругу он продолжал крутить башню то направо, то налево, расстреливая при этом всех фашистов, всех гадов, которые в его представлении нападали со всех сторон.

В один из таких моментов он подкрутил пушку в сторону стоящих саней и увидел Изотыча. Дед стоял рядом со Звездочкой, курил самокрутку, часто поднося ее левой рукой ко рту через бороду. Правой же рукой Изотыч утирал слезы...

Мигом спрыгнув с танкетки, Сашка подскочил к саням.

– Что ты Изотыч, тебе плохо? Дед, что случилось то?

– Не, не... Ничё Шурк. Эт я на ветер гляданул, вот глаз то и заслезил. Все, прошло уже.

Сашке стало вдруг стыдно, что он по-ребячески повел себя. Нечего было ходить на это поле, залезать на танк, подвергая опасности себя, Изотыча и лошадей. А если б подорвался? Кто бы в Решетном остался за кузнеца? И что бабы с ребятишками делали бы весной? А мамка как бы расстроилась? И так не хотела пускать в дорогу.

– Все поехали уже, – сказал он со всей серьезностью, на какую был способен.

До большака добрались быстро. Опять Изотыч ехал на Звездочке впереди, уверенно правя санями. Дорогу до дома теперь он знал...

В Решетное въехали далеко за темно. Управились с лошадьми и разошлись по домам...

Очень быстро Сашка понял, что материал они привезли

стоящий. Арматура диаметром четырнадцать, шестнадцать, двадцать четыре миллиметра была дляковки то, что надо. Немецкое железо хорошо разогревалось, ковалось и давало отличную закалку. Из проволоки «шестерки» Сашка за три дня отковал и нарубил, израсходовав ее всю, семь снарядных ящичков отличных гвоздей. Потом понаделал еще много разных нужных в хозяйстве вещей. А вот до серпа бабки Пелагеи руки все не доходили. Причина была простая – серп Сашка еще никогда не делал.

Бабка Пелагея радовалась вместе с мужчинами удачной поездке. Время от времени она приходила в кузницу и все напоминала о своей просьбе. Сашка отнекивался, говоря ей, что занят срочной работой. Так прошел февраль, а затем и март. Наступил апрель.

Тянуть с серпом дальше было просто не прилично. Поэтому, подготовившись, Сашка объявил Пелагеи, что к Пасхе обязательно откует ей серп. А подготовился он так. Взял у матери серп, который отковал в свое время дядя Семен, тот самый «главный» кузнец Решетного, сын бабки Пелагеи, пропавший без вести.

На практике Сашка знал, что полукруг, толщина пластины, «остриек» и угол заточки серпа у Семена был самым удачным, выверенным временем и опытом кузнечного дела. Лучшего образца Александр не видел за свою жизнь никогда. Ценились серпы Семена не только у них в деревне. Ценили изделие Семена по всей округе и даже в райцентре. Ре-

шил Сашка, что будет делать серп именно по образцу семеновой работы.

Долго возился Сашка с серпом. То заготовку перекалил и, почти готовое изделие треснуло. То не выходил у него изгиб, полукруг... В конце концов, в пятницу, на пасхальной неделе, когда в кузницу заглянула Бабка Пелагея, Александр сказал:

– Все бабк. Сёдня будет тебе серп. Сам занесу. Но рано не жди, часам к восьми. Иди уже не мешайси.

Серп получался. Сашка чувствовал, что все идет именно так как должно. Даже дед Изотыч пришел в нужный момент.

– Давай дед. Подкачни малех воздуху, – крикнул Сашка, держа в левой руке клещами раскаленную пластину, а правой нанося ритмичные удары по горячему железу кузнечным молотком. Помощь Изотыча, помогла не отвлекаться отковки и сохранить нужную температуру. Метал превращался в изделие...

Закончив работу уже в вечерних семерках, Сашка был доволен собой. Сравнивая свой серп с серпом кузнева Семена, он не находил отчилий. Смущало его только, что не пришла под вечер бабка Пелагея. Конечно он сказал, что сам принесет ей серп, но зная бабкину суету, вместе с тем был уверен, что Пелагея не удержится, придет-таки к нему вечером в кузницу. Ан нет, не пришла. Ну да ладно, ему то не трудно было занести подарок по дороге домой.

Убрав инструмент он закрыл кузницу. По дороге домой

Сашка завернул к Пелагее. В доме у Пелагеи что-то было не так как обычно. Ярko горел свет в окнах и были слышны громкие голоса, смеялись дети. «Гости у Пелагеи», – подумал Сашка.

Решив так, Сашка развернулся идти домой, но тут Пелагея сама вышла из дома. Она собиралась принести дров.

– Шурка! Сенечка мой вернулся! Живой! Радость-то какая! Заходи в дом, иди скорей! Живой! Сыночек мой!

Пелагея плакала. Слезы текли у нее из обоих глаз. Она кинулась обнимать Сашку, как будто не Семен ее, пропавший без вести вот уже как полгода, вдруг каким-то чудом уцелевший, оказался жив, вернулся домой, а Сашка, именно Сашка вернулся к ней из ада войны.

– Да что это мы стоим на холоде. Давай заходи в дом, давай Сашулька. Давай родненький мой, – все причитала Пелагея. Она схватила Сашку за локоть и повела к крыльцу.

В доме было непривычно светло и жарко натоплено. Светило сразу три керосиновых лампы. Такого не позволяли себе экономные крестьянские порядки и Сашка с непривычки зажмурился. За столом, спиной к окну, сидел дядя Семен в военной солдатской форме. Здесь же на лавках вокруг стола сидели трое детей, двое из которых были его – Семена. Рядом, полубоком сидела соседка Анна Тихоновна.

Семен повернул голову и, увидев Сашку сказал:

– Здорово сосед, давай заходи, гостем будешь! Видишь – вернулся я! С войны вернулся, на совсем!

– Давай, давай не стесняйся. Извини, навстречу встать не могу, грехи не пускают, поэтому сам давай проходи, садись вечером будем, – добавил дядя Семен.

Только тут Сашка заметил, что рядом с Семеном на лавке лежали деревянные костыли, а левая штанина солдатских брюк пустой тряпкой свисала с лавки вниз.

На столе стояла бутылка мутного самогона, разрезанная буханка хлеба, две открытых банки тушенки, чугунок дымящейся картошки, да несколько яиц в миске.

Бабка Пелагея подтолкнула Сашку к столу, и когда тот сел с краешка, навалила ему целую тарелку вареной картошки, все причитая при этом, какая радость у нее сегодня случилось, и что наконец-то Бог услышал ее молитвы.

– Вот представляешь! В обед приехал, в дом захожу, а Аленка моя спрашивает: «Вам кого дяденька?». Нет, ты представляешь! Доча моя разговаривает уже вовсю! Сашка, а? – грохотал на весь дом бас Семена.

Семен подхватил с лавки свою четырехлетнюю дочурку и, посадив на правое колено, держа за руки начал носком ноги подбрасывать ее вверх-вниз, вверх-вниз.

Сашка во все глаза смотрел на героя. Семен изменился с тех пор, как видел он его перед отправкой на фронт, стал почти стариком. Волосы поседели. Через всю правую щеку, сверху вниз от переносицы до выпирающей скулы, проходил багровый шрам. А вот руки остались прежними. Крепкое пожатие Сашка еле стерпел. Жилистая шея кузнеца как будто

показывала силу человека, с которым никто никогда не решился связываться. Слева, на груди у Семена была приколотая медаль «За отвагу», справа тускло мерцал багровым перламутром орден «Красной звезды».

Через минуту Семен снял с колена смеющуюся малышку. Улыбка сошла с лица солдата... Взяв стопку с налитым самогоном, не чекаясь одним махом выпил и со стуком поставил на струганный стол.

Закусив хлебом и помолчав немного, Семен сказал:

– Как же вы так... Марьюшку то мою не уберегли... Ээх... Неделю уже как знаю. Прохора с Сухинич на выписке в госпитале встретил, он то и сказал, что летом схоронили...

После этих слов Семен уронил голову на руки и замолчал. Стало слышно как старшие дети играют каким-то материалом, никак не поделив его между собой, да Аленка взяла снева большой белоснежный кусок сахара и начала его грызть.

Проголодавшийся Сашка не заметил, как умял полтарелки картошки. Тут, хорошо захмелевший Семен, повернув опущенную голову в сторону Сашки, увидел лежащий на краю стола тряпичный сверток. Это был завернутый в ветошь, только что выкованный серп, который Сашка положил, когда садился.

– А это чегой-то ты принес Шурка, а? Покаж, покаж...

Развернув материю, перебросив из одной руки в другую сашкин серп, Семен постучал обушком по столу, и проверил пальцем заточку. Посмотрев серп на свет, Семен спросил:

– Сам что ли делал?

Сашка кивнул.

– Долго возился?

– Не-а, быстро получился, – соврал Сашка на ходу, не думая.

– Врешь, врешь ведь. А работа не плохая. Плоскость только не выдержал. И угол заточки перетянул, съестся быстро. А так молодца, молодца Шур. С образца делал или сам?

– С образца, – не стал тут врать Сашка.

– Да вижу уж. Такой полукруг только я делал. Значит, кузница цела еще?

– А то как же, конечно цела – ответил Сашка.

– Ну вот и славно. Завтра приду. Дел то к весне полно небось накопилось?

– Да ты не бойсь, не прогоню, – добавил Семен, увидев, что Сашка как то немного сник.

– Будем вместе. Я теперь не целый, а вроде как половинка человека во мне осталась. Но руки-то целы. Буду сидя привыкать молотом работать, покажу тебе все, что сам знаю, обучу. А за серп спасибо. От меня и от матери спасибо Сашка, что не отказал, уважил...

Отодвинув в сторону сашкин серп, Семен еще раз одним махом запрокинул рюмку самогона...

Калуга, сентябрь 2014 года